

Хэйли Хоскинс

ШЕПУЩАЯ

Москва
2025

УДК 821.111-93
ББК 84(4Вел)-44
Х84

Hayley Hoskins
THE WHISPERLING

Text copyright © Hayley Hoskins, 2022

Иллюстрация на обложке PRKREST

Разработка серийного дизайна *Евгения Семёнова*

Хоскинс, Хэйли.

Х84 Шепчущая / Хэйли Хоскинс ; [перевод с английского
Д. Смирновой]. — Москва : Эксмо, 2025. — 288 с.

ISBN 978-5-04-173473-2

Обычно умершие покидают наш мир навсегда, но если неуспокоенная душа задерживается, то ей помогают Шепчущие — люди, способные говорить с призраками.

Пегги Девона вынуждена скрывать свои способности Шепчущей, боясь реакции горожан. Однако, когда её подругу Салли обвиняют в убийстве богатой дамы, девочка понимает, что только ей по силам восстановить справедливость. Она отправляется к своему дяде в салон медиумов, чтобы собрать как можно больше призраков и узнать правду любой ценой.

**УДК 821.111-93
ББК 84(4Вел)-44**

ISBN 978-5-04-173473-2

© Смирнова Д., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

Маме и папе

Они окружают нас.

Они такая же часть нашей жизни, как и четыре стихии. Они в ветре, что касается твоей щеки, в первой трели птицы, в зное и жаре Солнца.

Они в пустом кресле в твоей гостиной, в пустом сиденье экипажа. Они под твоей кроватью.

То движение в сумраке? Это они.

Необъяснимые скрипы, таинственные шаги? Они.

Мурашки на твоей шее, из-за которых ты оборачиваешься?

Те моменты, когда тебе казалось, что ты не одна?

Так и было.

Они всегда здесь, совсем близко, наблюдают.

Выжидают.

Не бойся.

С. ДЕРЖИ

1897 год от Рождества Христова

Мои родители работают со смертью — в смысле, у них не-большой похоронный бизнес в деревне Элдерли, где мы живём; если взять карету, то отсюда можно за полдня добраться до Бристоля.

Мой папа, столяр по профессии, занимается простыми гробами. Мама готовит тела к погребению. «Мёртвые не могут нам навредить», — часто произносит она. В целом она права.

Дверь в маленькую комнату редко запирается, а прагматичный образ мыслей матушки надёжно оградил меня от страха смерти. Влажный блеск тела в первые часы после кончины у многих вызывает тошноту; городские щедро платят за мази и порошки, способные заглушить вонь, когда тело начинает разлагаться. Я не понимаю, к чему вся эта бессмысленная возня. Если бы вы, как я, мыли тело и заботились о нём после смерти, то знали бы, что это всего лишь сосуд, не более того. Нечто, позволяющее духу пребывать в этом мире, чтобы он мог жить, любить, получать опыт,

как хороший, так и плохой... а потом вы умираете, и остаётся только липкая окоченевшая оболочка.

Когда вы мертвы — вы мертвы.

Если вы ушли из этого мира — то вы ушли навсегда.

Или нет.

Вот тогда прихожу я.

— С изюмом? Бисквитную? Глазированную? Или с изюмом? Или со смородиной? Или с изюмом? Или...

— Ладно-ладно, нам с изюмом! — говорю я. — С изюмом, с изюмом, с изюмом!

Я смеюсь и больно тычу Салли локтем под ребро.

— Ай! Ты только глянь на них, Пегс! Это же восторг! — Она так прилипла носом к окошку пекарни, что стекло уже запотело от её дыхания. Ухмыльнувшись, Салли безуспешно пытается стереть разводы рукавом.

Она права, мистер Суитинг с женой сегодня превзошли себя. По воскресеньям их витрина всегда радует глаз, когда накопившаяся за неделю потребность в тепле, хрустящих корочках и жирных пирогах с начинкой удовлетворяется сполна самыми чудесными на свете булочками и пирожками.

Туристы часто приезжают в Элдерли: здесь красивая набережная, живописные руины и паратройка чайных. И в целом деревенька уютная. Вереница домов и магазинчиков тянется вдоль плавно изгибающегося русла реки и петляет меж лесистых холмов и обработанных полей. Наш дом стоит на Ботвик-Хилл: популярное местечко для прогулок у тех, у кого есть на это время. Дорога поведёт вас

всё вверх и вверх, мимо школы и дома священника, пока вы, раскрасневшиеся и запыхавшиеся, не окажетесь на вершине холма, откуда можно насладиться видом на деревню в тени церкви. В ясные дни видно очень далеко, и когда мне одиноко, я представляю, что вижу знаменитый особняк Клифтон и передаю привет Салли Хаббард. Она там работает горничной у леди Стэнтон. Этот дом я видела только на фотографии: красивое здание, приютившееся за дорогой, вдоль которой высажены высокие тонкие деревца, но я всё равно с лёгкостью могу вообразить, как Салли там работает и весело насвистывает несуществующие мелодии.

У Салли выходной раз в месяц, поэтому сегодняшний день мы проводим вместе, хоть и ненадолго. Мы возьмём от него всё — а значит, и булочку с изюмом тоже.

По выходным Салли продолжает ходить в своей форме, снимая лишь передник, но я не спрашиваю её об этом. Обосновавшись в особняке Клифтон, она стала держать голову выше, и я была бы плохой подругой, если бы из-за меня исчезла её улыбка. В последнее время дела Хаббардов идут не очень, и, если не считать её лучшего воскресного одеяния (которое она сегодня не наденет, потому что на дворе суббота), рабочие чёрные хлопковые платья с высоким воротником — это самая опрятная одежда, которая есть у Салли.

— Я заплачу, — говорит она и со звонким «Доброе утро, мистер Суитинг, можно мне, пожалуйста, большую булочку с изюмом?» заходит в магазин.

Выбившийся из причёски локон длинных рыжих волос ниспадает ей на лоб. Я смотрю сквозь

запотевшее стекло, как она, высунув кончик языка, выбирает булочку, пока мистер Суитинг терпеливо ждёт, держа наготове раскрытый бумажный пакет.

— Вот эту, спереди... Нет... Слева... Да! Да, чудесно! Как ваша мама? Ей лучше?

— Не очень хорошо, Салли, милая, но спасибо, что спрашиваешь. Как твои? Как твой... папа? — спрашивает он осторожно, как и все остальные, когда речь заходит об отце Салли.

— Ну, как всегда, пьёт, но мама говорит, что так она хотя бы знает, где он, ведь ему даже не удаётся найти входную дверь, не упав!

— Ох. Нет худа... — говорит мистер Суитинг, с неловкой улыбкой заворачивая булочку с изюмом. Салли звонко смеётся, как будто не знает, что в том, что её отец пьяница, нет ничего смешного.

На окне пекарни плакат. Я наизусть знаю, что на нём написано: мы все знаем, потому что по закону такие должны висеть на всех зданиях администрации, магазинах, конторах, гостиницах и местах богослужения. Это было напоминание о том, что времена изменились и мы уже современные люди.

Касательно шепчущих:

Согласно королевскому указу
обо всех происшествиях следует докладывать лицу,
наделённому соответствующими полномочиями.

В данном округе этим лицом является
преподобный О. Тейт.

Угрозы недопустимы. Попытки недопустимы.

Казни абсолютно недопустимы.

Последнее слово подчёркнуто — на случай, если кому-то текст покажется недостаточно убедительным. Видите ли, подобные происшествия уже случались, где-то в деревне к северу отсюда. Одну девочку обвинили в том, что она шепчущая. Её судили, признали виновной; она пыталась доказать свою непричастность, но в итоге её всё равно утопили.

— Салли, поторопись! — Я оглядываюсь на плакат. Шепчущие. Те, кто умеет разговаривать с мёртвыми. Кровь приливает у меня к лицу.

— Ладно-ладно, не бузи! Я взяла нам большую, самую жирную булочку! — отвечает она и хихикает. — Пег, ты снова изучаешь этот указ?

Я пожимаю плечами:

— Я всё время вспоминаю ту бедную девочку. Если бы только... ай! — от толчка Салли я буквально теряю равновесие.

— *Пф!* — фыркает она. — Если бы только что? Если бы только они додумались повесить пару плакатов? Боже мой, Пег, половина громил, которые на такое способны, не умеют читать, а если и умеют, то только жалуются, что святоши мешают им «следовать традиции». Сама я не вижу в этом смысла. В любом случае, — добавляет Салли, театрально подмигнув мне и помахав на прощание мистеру Суитингу, — в наших краях уже десятки лет никто слыхом не слыхивал о шепчущих — или вырождаках, если сказать погрубее, да, детка?

— Тихо ты, не дури — кто-нибудь услышит! — свистящим шепотом одёргиваю я подругу, и мы направляемся обратно. Розовое личико Салли

буквально светится от счастья, когда мы берёмся за руки и идём дальше, кивая проходим.

Салли четырнадцать, она на два года меня старше, но это совсем не заметно. Она совершенно бесхитростная, и от этого выглядит младше. По ней всегда всё видно: и хорошее, и плохое. Мама говорит, что она «ребёнок в душе», и это именно так.

Кое-кто в деревне, миссис Далвич например, говорит, что Салли «слегка того, как и все Хаббарды». Вот, кстати, и она, вся седая и злющая, под стать своей тощей чёрной кошке — затаилась за склянками с зельями и мазями, выставленными в окне аптеки. Это последнее здание на улице, дорога огибает его и бежит вверх по холму, к моему дому. Внутри аптеки полки уставлены стеклянными бутылочками, заткнутыми пробками, инкрустированными драгоценными камнями, и на каждой белеет написанный от руки бумажный ярлычок.

— Доброе утро, миссис Да-а-алвич, — нараспев говорим мы, специально растягивая первый слог; к такой маленькой дерзости не придерёшься, а Салли немного приободрится: деревня у нас маленькая, и она знает, что говорила про неё эта старая злобная летучая мышь.

А затем мы переходим на бег и не сбавляем темпа до тех пор, пока в груди не начинает гореть, а ноги — ломить от боли, а нам смешно, потому что мы уже обежали аптеку и завернули за угол, теперь нас никто не увидит.

— Видела, как она пялилась на меня? — кричит Салли, замедля шаг, и я искоса смотрю на неё. Она поджала губы, а её чудесные серые глаза стали

свинцовыми и мрачными. Верный признак того, что она в ярости.

— Она не пялилась на тебя, Салли, она просто смотрела в окно, вот и всё, — я игриво толкаю её локтем, надеясь развеселить. — Идём. Ты же не хочешь, чтобы у тебя были неприятности, тем более сейчас, когда у тебя новая работа и всё такое.

— Она считает, что она лучше меня, так ведь? Потому что я Хаббард, и все вокруг считают себя лучше нас.

— Салли, никто так не думает. Ну пойдём, нам ещё булочки нужно съесть, если ты их не раздавишь по дороге, — я выразительно киваю на её руки: в одной она держит бумажный пакет, а другую сжала в кулак.

Салли не обращает на меня внимания и, опустив голову, смотрит вниз, а затем вдруг приседает как в реверансе и, подняв с земли камень, бросает его вверх, ловит одной рукой и подкидывает на ладони, оценивая вес. Затем переводит взгляд на меня и, глядя мне прямо в глаза, впихивает мне пакет:

— Подержи пока булочки.

— Не буду, — я уклоняюсь и скрещиваю руки на груди. — Я в этом участия принимать не собираюсь, и, если у тебя в голове осталось хоть немного мозгов, ты сейчас же положишь этот камень обратно.

— Но она это заслужила! Она самая что ни на есть ужасная...

— И что? Если ты разобьешь ей камнем окно — как это поможет, ну как?

— Ну, какое-то время ей будет плохо, так же как мне из-за неё. — Её голос прерывается, и на миг

мне хочется выхватить камень у неё из руки и запустить его самой.

— А вдруг эта мерзкая старая карга расскажет леди Стэнтон? Ты же знаешь, какая она, Салли. Только вообрази, каким самодовольным будет её ссохшееся лицо, если по её милости ты лишишься работы. Пойдем, Салли, прошу тебя.

Салли фыркает и вытирает нос тыльной стороной ладони, и на её щеке остаётся блестящая дорожка сахарной посыпки.

— Она сказала, что в следующий раз, когда поедет на море, может взять меня с собой.

— Кто — миссис Далвич?!

— Да нет, тупица, — леди Стэнтон. Ей последнее время нездоровится, и она говорит, что морской воздух хорошо действует на её «конституцию», что бы это ни было. Такую поездку я уж точно не хочу пропустить, — она разжимает пальцы, и камень падает на землю. — Пег, ты когда-нибудь была на море?

Вот так просто тучи рассеиваются, и мне становится легче на сердце. У Салли тот ещё темперамент, но обычно мне удаётся вовремя её успокоить.

Я беру её под руку и тащу к дому, пока она не увидела, что миссис Далвич вышла из магазина и перешла дорогу, чтобы посмотреть, куда мы идём: руки упёрты в тощие бока, у ног трётся домашняя кошка.

— Нет, Салли, я никогда не была на море, — отвечаю я. — Мы поедем туда, когда разбогатеем. Я тебе обещаю.

Спустя несколько минут мы сидим на моей кровати и разворачиваем булочки: аккуратно отлепляем и разглаживаем бумагу, чтобы она заменила нам тарелку.

— Оставьте мне что-нибудь! — крикнул папа из своего кресла в гостиной, когда мы пробежали мимо, но на это у него нет ни малейшего шанса.

— Божественно, — говорит Салли, запихнув в рот большущий кусок. Это правда очень вкусно. Выпечка мягкая, с сочной сердцевинкой — если её сжать, то из неё будет сочиться сладкая липкая начинка, — в ней попадаются толстенькие изюминки, а сверху хрустит корочка запечённого сахара. Салли пальцем выводит на липкой бумаге своё имя, *Салли Хаббард*, и я прячу улыбку: ещё совсем недавно она и слова не могла прочитать, не то что написать, а теперь не упускает возможности похвастаться своим почерком с завитушками. Мама учила её в школе и часами дополнительно занималась дома. Салли оставляет про запас половину купленных булок, мы облизываем пальцы, чтобы сладкий сироп не стёк на запястья, и идём к умывальнику в углу. Когда я подставляю руки под воду, меня внезапно бьёт энергетической волной, точно зарядом статического электричества, и отбрасывает назад. *Что это было?*

— Пег, с тобой всё в порядке? — спрашивает Салли.

— Да-да, всё хорошо, — отвечаю я. — Ничего страшного.

Она подскакивает ко мне и лукаво окидывает взглядом комнату: